

Ю. ЛИС

18+

ART DECO

Ю. Лис
Art Deco

«Автор»

2020

Лис Ю.

Art Deco / Ю. Лис — «Автор», 2020

После смерти отца Мэттью перебирается в Нью-Йорк. Великая Депрессия едва окончилась, но Мэттью везет. Он получает работу и находит временное пристанище в квартире в стиле Ар-Деко. Мистер Палмер позволяет Мэттью занять одну из комнат его шикарного жилища на Манхэттене. Мистер Палмер молод и хорош собой. Он дружелюбен и ничего не просит взамен. Вроде бы Мэттью быстро начинает казаться, что с квартирой, а может и самим мистером Палмером что-то не так. Или это он сам медленно теряет рассудок?

© Лис Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. Нью-Йорк, Нью-Йорк	5
2. Утро	11
3. День первый	16
4. День второй	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ю. Лис

Art Deco

1. Нью-Йорк, Нью-Йорк

*You're so Art Deco
Out on the floor
Shining like gun metal
"Art Deco" Lana Del Rey*

октябрь 1940 г.

Стылая осенняя сырость пробирала до костей. Октябрь только начался, летняя жара едва спала, а ей на смену тут же пришли заморозки и затяжные дожди по всему побережью. Город дышал влагой. Дороги превратились в сверкающие неонами реки. Вывески магазинов и казино, оранжевые глаза фонарей смешивались в их темных водах.

Невзирая на непогоду и поздний час, улицы были заполнены людьми. Мужчины в дорогих туфлях придерживали зонты над локонами своих спутниц. Стучали каблучки. Табачный дым повисал в воздухе, смешиваясь с туманом. Мэттью смотрел в окно такси на проплывающий мимо город и чувствовал себя, словно в кресле кинотеатра. И хотя восхитительная картинка перед ним была цветной, она оставалась далекой и зыбкой.

Он почти не волновался, пусть поводов для этого хватало с избытком. Все происходящее казалось сном, который принимаешь как данность, сколь бы нелогичным и безумным он ни был.

Мэттью привык к мысли, что его реальность проста и понятна. Жизнь не баловала событиями и красками, но по крайней мере у него было более-менее четкое представление, чего можно ожидать, а чего – не стоит, что для него, а что – нет. И вечерние улицы Манхэттена относились ко второй категории. Ему просто нечего было делать здесь. По крайней мере в той, прошлой жизни.

– Приехали, сэр, – окликнул его таксист. Мэттью снова взглянул в окно.

– Вы уверены?

Окружающая реальность оставалась прежней – раздетые прохожие, манящие огни ночных заведений.

Таксист нахмурился и раздраженно повторил адрес. Мэттью ничего не осталось, кроме как рассчитаться и выйти в ночь, прихватив чемодан. Колючая морось чуть крупнее тумана тут же осела на пальто, зашуршала по полям шляпы. Мэттью стоял у огромного белоснежного билдинга, как у подножия снежной горы. Великолепие этого строения скорее давило, чем восхищало Мэттью. Подобные небоскребы он прежде видел лишь на страницах газет. Шпиль высотки упирался в рыхлые облака, окна сияли сотнями маячков. Это было совсем не то, что представляется при слове “дом”. Мэттью пробрал холод. Он поднял потертый воротник пальто и еще раз огляделся.

Людской поток огибал его, изредка касаясь локтями. Такси давно умчалось, но Мэттью все равно не стал бы снова уточнять у водителя, тот ли это адрес. Даже если его обвели вокруг пальца, выяснять это поздно.

Ему представилось строгое и усталое лицо Хлои: “Ты только клювом не щелкай! В городе полно желающих одурачить такого простофилю, как ты! Сразу же видно, что ты приезжий дурачок, который раньше за пределы штата не выезжал!”.

Стоять на тротуаре и “щелкать клювом” было бессмысленно и холодно, так что Мэттью направился к сверкающим стеклянным дверям высотки. Едва эти двери закрылись за его спиной, отрезая от шума вечерней улицы, как Мэттью снова ощутил себя в ином мире – уже третьем по счету. Гулкий холл с высоченными потолками напоминал языческий храм. Стены из темного мрамора были покрыты причудливыми изображениями из золотых, бордовых и изумрудных треугольников и ломаных линий, множество светильников давали теплый рассеянный свет. Мэттью даже потянул носом, ожидая почувствовать аромат ладана, но ощутил лишь запах камня и сухих цветов.

– Могу вам чем-то помочь, сэр? – окликнул Мэттью голос из дальней части холла. Из-за высокой деревянной стойки поднялся мужчина средних лет в скромной серой форме.

– Добрый вечер, – Мэттью поудобнее перехватил ручку чемодана и подошел к консьержу. Звук каждого шага поднимался вверх, к потолку, и запутывался в сверкающих подвесках люстры. Мэттью выудил из внутреннего кармана аккуратно сложенное письмо и протянул мужчине. – Скажите, как мне найти этот адрес?

Консьерж склонился над покрытой машинописным текстом страницей, сверкнув ранними залысинами.

– Вам на четырнадцатый этаж, сэр. От лифта – налево, первая дверь, – сообщил он, возвращая письмо. Маленькие карие глаза смотрели с живым любопытством. Разумеется, он успел прочесть не только адрес, и Мэттью запоздало пожалел, что показал ему бумагу.

– Спасибо.

Кабина лифта оказалась просторнее и светлее всех, в которых он успел прокатиться прежде, и не напоминала механизированный гроб. Здесь его ждал еще один человек в серой форме, на этот раз парнишка примерно его возраста.

– Какой этаж?

– Четырнадцатый, пожалуйста.

Лифтер закрыл решетку. Загудев, кабина поползла вверх.

– Вы недавно в Нью-Йорке, сэр? – улыбнулся лифтер, без стеснения рассматривая Мэттью. Потертое черное пальто, которым пыталась поживиться моль, и пришлось подлатать его в ателье, чтобы скрыть следы. Мокрая шляпа, выдавшие виды коричневые ботинки, так непохожие на стильные туфли прохожих. Костюм был надежно упрятан под пальто, но Мэттью все равно почудилось, что парень видит закрытые заплатками локти на слишком тесном по сегодняшней моде пиджаке и его тонкий галстук, на котором словно выведено: “единственный приличный галстук в гардеробе”. Более-менее новыми были только брюки. Он купил их всего два года назад, когда поступил в колледж.

– Это так заметно? – Мэттью улыбнулся уголком рта фирменной блейковской улыбкой. Каждый в их семье владел такой, немного снисходительной и в то же время извиняющейся. Она шла в комплекте с медно-рыжими волосами и худобой. Даже его сестры, успевшие родить по паре ребятишек каждая, не утратили своей худощавости.

– Немного, сэр, – широко улыбнулся лифтер. – Я приезжих по взгляду отличаю.

– Вот как. И что же у нас за взгляд?

– Как в цирке, – и лифтер подчеркнуто удивленно распахнул свои бледные серые глаза с красными прожилками. И тут же прибавил: – Сэр.

Мэттью фыркнул. Что ж, именно так он себя и ощущал – словно его вывели на арену и зрители со своих мест тычут в него пальцами, покатываясь от хохота. Или вот-вот начнут.

– Четырнадцатый этаж! – сообщил лифтер и открыл решетку. – Хорошего вечера, сэр.

– Хорошего вечера.

Мраморный пол четырнадцатого этажа был прикрыт темным ковром. Мэттью взглянул на потерянные носы своих ботинок и с новой силой ощутил неуместность своего появления здесь. Во всем происходящем была явно какая-то ошибка. Может быть, консьерж решил подшутить

над ним? Сейчас он позвонит в 51 квартиру, и ему скажут, что никого не ждут, что он попросту ошибся адресом. А до нужной ему улицы – три часа езды.

Отбросив панически мысли, Мэттью поудобнее перехватил чемодан и пошел по коридору влево. Здесь стены тоже покрывали затейливые узоры, абстрактные и завораживающие. Взгляд терялся в сплетениях линий и острых углов. Приглушенный свет, темный зеленоватый мрамор стен. словно он шел по выдолбленным прямо в скале лабиринтам, ведущим к сердцу храма с языческими алтарями, у которых жрецы совершают свои ритуалы. Ему представились гортанные песнопения, уносящиеся к высокому потолку и запахи сжигаемый благовоний. В сплетениях ароматного дыма проступают зыбкие картины, в которых жрецы угадывают будущее...

Нет, консьерж не тянет на служителя культа. Мэттью потер пальцами веки и остановился под серебряными цифрами “51” на темной резной двери. Он прекрасно помнил адрес, – как и весь текст письма – но едва справился с порывом перечитать его вновь и убедиться, что пришел, куда нужно. Что ж, в крайнем случае ему рассмеются в лицо и захлопнут дверь.

Подбодрив себя таким образом, Мэттью позвонил. Дверь распахнулась почти сразу, он даже вздрогнул. На пороге стояла высокая темноволосая женщина лет сорока с сухим бесстрастным лицом, словно высеченным из камня умелым скульптором. На ней было простое черное платье, волосы собраны в пучок на затылке.

– Эм, – протянул Мэттью и даже сунул руку в карман, за письмом, но тут же себя одернул. – Добрый вечер. Это квартира мистера Палмера?

– Да, – бесстрастно отозвалась женщина. Ничто в ней не дрогнуло. Мэттью снова выудил на свет свою фамильную улыбку:

– Меня зовут Мэттью Блейк! Я...

– Входите, – ее лицо слегка смягчилось. Мэттью переступил порог, снимая отсыревшую шляпу. В просторном холле было темновато. Скорее всего из-за бордовых обоев, отчего длинный коридор напоминал кишку, ведущую куда-то вглубь квартиры. Пахло благовониями, табаком и какими-то травами. В голове на мгновение снова зазвучало гортанное пение жрецов, но Мэттью тут же заставил их умолкнуть.

– Снимайте пальто, проходите...

Чемодан опустился на пол с негромким деревянным стуком. Паркет из темного дерева тускло поблескивал в свете ламп. На стенах в тяжелых серебряных рамах висело несколько картин, столь причудливых, что Мэттью не взялся бы сказать, что на них изображено. В темных полотнах ему виделись бронзовые фигуры людей в прихотливых позах с цветами в руках и волосах.

– Меня зовут Марта. Я горничная, – представилась женщина, пока Мэттью пристраивал на вешалке свое пальто и шляпу. – Мистер Палмер просил встретить вас сегодня, накормить и показать вашу комнату.

– А он...

“...разве не встретит меня сам?”

Это здорово сбило Мэттью с толку. Он даже замер на пару мгновений, глядя на блестящий от влаги ворот своего пальто. Рядом висело другое, тоже черное, но куда более новое и стильное, чем его собственное. Хотя человеку, живущему в такой квартире, совсем не обязательно иметь всего одно пальто.

– Мистер Палмер отдыхает, – с прежней бесстрастностью сообщила Марта.

Мэттью кивнул. Время приближалось к девяти часам вечера. Он и сам был бы не прочь отдохнуть.

– Идемте. Вы поужинаете в комнате или в столовой?

Мэттью, выискивающий глазами зеркало, растерянно кивнул. Боги, у этого Палмера есть слуги! По крайней мере, горничная. Человек, который может принести тебе ужин в комнату, а

затем помыть за тобой посуду. Еще одна деталь, которая должна была существовать на экране кино, но никак не в его жизни.

– Я... я не хочу никого беспокоить, – признался Мэттью с улыбкой, адресованной Марте. Та смерила его внимательным взглядом.

– Это моя работа, не волнуйтесь, мистер Блейк.

– Мэттью. Зовите меня Мэттью, пожалуйста, – он подхватил свой чемодан и тут заметил на стене еще одну серебряную раму в полный человеческий рост. На мгновение Мэттью принял ее за зеркало, но отражения в нем не было. Вместо него – матовая бумажная поверхность. Словно пустая картина. Несколько секунд Мэттью недоуменно ее рассматривал. Он ничего не понимал в декоре, но это было слишком странным даже по его меркам.

Поймав его взгляд, Марта пояснила:

– Мистер Палмер не любит зеркал. Идемте, Мэттью.

Из коридора вело множество дверей. Мэттью насчитал пять, но их было явно больше, потому что коридор на этом не заканчивался. Марта шла вперед, не утруждая себя пояснениями, и Мэттью оставалось только молча шагать следом. Здесь тоже лежал ковер, полностью заглушавший их шаги. Откуда-то доносилась тихая музыка. Запах трав, сладковатый и терпкий, стал сильнее.

Марта открыла одну из дверей, вошла и зажгла свет.

– Ваша комната.

Мэттью шагнул следом и не удержал удивленный вздох. Спальня оказалась больше гостиной в доме его отца. Пожалуй, по размерам она бы сравнилась разве что с торговым залом их магазинчика. Широкая двуспальная кровать, комод, пара тумбочек, письменный стол в небольшой нише, окруженный книжными полками – все было выполнено из темного дерева и стоило явно немалых денег. Обстановку дополнял круглый стеклянный столик у окна, кресло с высокой спинкой и несколько ламп, расставленных по комнате так, что ее заполнял мягкий, приглушенный свет. Окна закрывали тяжелые бархатные портьеры глубокого синего цвета, в тон всей комнате. И, наконец, на стеклянном столике стояла ваза с поздними осенними цветами. Все это наводило на мысли о дорогом отеле, обставленном в соответствии с последними модными тенденциями.

Мэттью обернулся на горничную, но та сохраняла равнодушный вид. Не похоже, чтобы это была шутка.

– Ванная там, – кивнула Марта на еще одну дверь, ведущую из комнаты. – Это ваша собственная, мистер Палмер пользуется другой.

– Просто с ума сойти, – пробормотал Мэттью себе под нос и осторожно опустил свой потертый чемодан на ковер.

– Так, где вам подать ужин?

– Я... как вам будет удобнее, хорошо? – ему хотелось сесть, в теле появилась легкая слабость. Чем дальше, тем сильнее происходящее казалось странным сном. Словно он задремал в поезде и вот-вот проснется.

Марта вздохнула.

– Простите, Марта... Я могу звать вас Марта? Мне ужасно неловко, что вам приходится со мной возиться, и я вообще не представляю, как мне следует себя вести, так что просто сделайте так, как вам будет комфортно, хорошо? – попросил он напрямик. На его губах снова появилась извиняющаяся и насмешливая блейковская улыбка. Он чувствовал себя совершенно нелепо во всей этой роскоши и даже не пытался скрыть, насколько ему не по себе.

И горничная вдруг улыбнулась.

– Отдыхайте, Мэттью. Я принесу вам ужин в комнату. Посуду оставьте здесь, утром я ее уберу, – прежде, чем выйти из комнаты, она обернулась: – Обычно мой день заканчивается в семь, и вечером я ухожу домой, а прихожу сюда к восьми утра, так что если позже вам что-

то потребуется, не пытайтесь меня отыскать. Мистер Палмер сказал, что квартира в вашем распоряжении.

– Хорошо, – кивнул Мэттью, прекрасно понимая, что едва ли выйдет из комнаты до утра. Огромная квартира, принадлежащая все еще неизвестному Палмеру, таила в себе больше сюрпризов, чем он мог сегодня на себя взвалить. – Спасибо, Марта.

Еще раз улыбнувшись, она вышла. А Мэттью, наконец, со вздохом опустился в кресло.

Голова гудела, тело наливалось тяжестью, словно его укутали в толстое ватное одеяло.

Здесь тоже пахло какими-то травами и благовониями, но это было лишь эхо ароматов, что он ощутил в коридоре. Было очень тихо. Пару минут Мэттью рассматривал вазу перед ним – простой цилиндр толстого темного стекла, безо всяких изысков – и нежные стебли цветов. Рядом он заметил пепельницу, но сигареты остались в кармане пальто, и он не был готов идти за ними сейчас. И вместо этого продолжил блуждать взглядом по комнате.

Сквозь просвет между шторами был виден ночной Манхэттен – вереница огней и всполохов света под тяжелыми красноватыми тучами. Исполинские колонны небоскребов поддерживали низкое небо, продолжавшее сыпать дождем.

В дверь тихо постучали, и Мэттью вздрогнул.

– В-войдите?..

– Ваш ужин, – Марта опустила поднос на столик и быстро переставила с него блюдо с горячим и чашку кофе.

– Спасибо, – Мэттью выпрямился в кресле и невольно поправил галстук, не зная, куда деть руки.

– Спокойной ночи, Мэттью, – улыбнулась Марта уже в дверях.

– Спокойной ночи!

Дверь вновь закрылась и Мэттью откинулся на кресло, взлохмачивая тщательно приглаженные помадой волосы. Это все просто нелепо. За ним лет с пяти никто так не ухаживал. Он потер лицо и снова взглянул на город за окном. Сколько времени ему потребуется, чтобы привыкнуть к этой новой жизни? Сколько времени он сможет провести здесь прежде, чем придется привыкать к чему-то другому? Он вынул из внутреннего кармана письмо и снова его развернул:

“Мой дорогой мальчик! Ужасно знать, что твой отец нас покинул. Он был прекрасный человек и мой добрый друг, упокой Господь его душу. Разумеется, я исполню обязательства, которые взял на себя по его просьбе. Если ты готов оставить Провиденс, я буду рад видеть тебя в нашей редакции. О колледже не волнуйся, я уверен, тымышленый парень с образованием или без него. Работа найдется, тем более кое-чему научить тебя наверняка успели. Не могу обещать высокой оплаты с первых же дней, редакция у нас скромная, но достаточно, чтобы понемногу встать на ноги...”.

Денежные подсчеты Мэттью пробежал по диагонали, не вникая. Он уже сделал это прежде, сам и вместе с Хлоей, размышляя, сможет ли он сводить концы с концами в новом городе, где у него ни друзей, ни семьи, ни жилья, только старый друг покойного отца и его обещания.

“... Сын моего доброго друга живет на Манхэттене, у него найдется для тебя свободная комната на первое время. Адрес: Верхний Ист-Сайд, 72-ая улица, ***. О деньгах не волнуйся – мистер Палмер уверил, что в них не нуждается. И, между нами говоря, это чистая правда. А если ты, как отец, не готов влезать в долги, то выбрось эти гордые мысли из головы! Одалживать не стыдно, стыдно забывать о тех, кто тебе помог. Твой отец здорово выручил меня когда-то, и теперь я не могу бросить его сына на произвол судьбы. Так что это не твои долги, а мои. Все вопросы улажены, Мэттью. От тебя лишь жду телеграмму с датой приезда. До встречи.

С уважением, Филипп Уильямс”.

Мэттью положил письмо на столик и сделал глоток кофе. Стало немного спокойнее.

После ужина он разобрал чемодан. Вещей было совсем немного, как ни раскладывая, больше четверти комода ими не займешь. Было еще несколько книг, с которыми Мэттью не решился расстаться, дневник в толстой кожаной обложке, бритвенный прибор, еще пара мелочей. Тонкие томики смотрелись одиноко на просторных полках, зато в ящике стола, куда Мэттью сунул дневник, нашлась пачка отличной писчей бумаги и письменный прибор.

Сунув пустой чемодан под кровать, Мэттью еще раз окинул взглядом комнату. Теперь она казалась немного более его собственной, хотя все еще больше походила на рекламный проспект какого-то мебельного салона. Его взгляд упал на заклеенное бумагой зеркало над тумбочкой. Мэттью погладил матовую поверхность пальцами. Что за нужда развешивать по квартире столько зеркал, а потом их заклеивать? Белое пространство казалось пустым холстом, который повесили на стену по странному капризу художника.

В ванной его ждало еще одно такое зеркало, и это было уже неприятно. Без зеркала побриться, не срезав себе пару лоскутов кожи с подбородка, не удастся. Да и причесаться как следует не получится. Мэттью попытался подцепить ногтем край бумаги, но тут же остановил себя. И дня не провел в квартире, а уже собрался портить чужие вещи. С проблемой бритья он разберется завтра. К середине дня его ждут в редакции, но утром будет достаточно времени, чтобы все решить.

Интересно, как сам мистер Палмер бреется? Мэттью представился заросший по самые глаза сизой косматой бородой пекарь, живший на соседней улице. Каких только причуд не бывает у людей.

Приняв горячую ванну, Мэттью забрался в постель и быстро уснул.

2. Утро

Мэттью проснулся без будильника и почувствовал, что не дома, прежде чем открыл глаза. Слишком мягкий матрас, слишком густая тишина. Непривычный запах. В его прежней комнате пахло книжной пылью, сыростью и табаком, а простыни – кошачьей шерстью. Мэттью вспомнил тепло лохматого серого бока и мерное сопение над ухом. Кот остался за несколько сотен миль, в доме сестры. Не было никакой возможности забрать его с собой. Оставалось надеяться, что племянки не станут слишком ему докучать.

Утро едва началось, в комнате было сумрачно. Мэттью сел, зажег лампу у постели. Шорох простыней в обволакивающей тишине комнаты казался возмутительно громким. Часы показывали четыре ночи, но небо за окнами было слишком светлым. Мэттью поднес часы к уху. Остановились. Он еще раз взглянул на циферблат.

Разумеется, он забыл завести их вчера вечером. Часам было больше сорока лет, когда-то они принадлежали матери, а до этого – ее отцу. Не удивительно, что они встали. Мэттью привык заводить их перед сном, он повторял этот ритуал последние семь лет и пропустил его лишь дважды. Первый раз – когда умер отец. Но тогда часы продолжали идти даже на следующий день.

Мэттью покрутил колесико и снова поднес часы к уху. Механизм пришел в движение, рождая успокаивающее мерное тиканье.

Оставалось узнать, который на самом деле час. Набросив поверх застиранной пижамы не менее потрепанный халат, Мэттью выглянул в коридор. Напротив входной двери, рядом с заклеенным зеркалом, он накануне приметил большие часы с маятником.

В коридоре было темно. Мэттью несколько раз моргнул, пытаясь привыкнуть. Воздух сладко пах дождем. Где-то открыли окно, и от него по полу тянуло легким сквозняком. Мэттью двинулся в сторону входной двери и едва не столкнулся с идущей навстречу фигурой.

– Простите!

– Дьявол! – голос был мягкий, с легкой хрипотцой. Мужчина пах травами и восточными благовониями и был на пару дюймов выше Мэттью, а тот никогда не числился в коротышках.

– Простите, – повторил Мэттью, отступая на пару шагов. Он уже сообразил, что перед ним мистер Палмер. Неловкое знакомство. Что ж... – Я хотел...

– Вы, должно быть, Блейк? – перебил его Палмер.

– Верно.

– Что ж. Приятно знать, что вы благополучно до нас добрались. Доброе утро, – с этими словами он обогнул замершего в растерянности Мэттью и скрылся за одной из дверей, бесшумно прикрыв ее за собой.

Мэттью еще несколько мгновений стоял, всматриваясь в темноту перед собой. Сердце гулко стучало, и его мерный ритм отдавался в ушах и пересохшем горле. Кажется, ему не слишком здесь рады.

Он добрался до конца коридора и нащупал на стене выключатель. Вспыхнули лампы. Здесь, среди стен цвета свернувшейся крови и искусственного света, было невозможно понять, какая сейчас часть суток. Время будто останавливалось и совсем переставало существовать. Должно же в такой длинный коридор выходить хотя бы одно окно?

Что вообще за безумная идея устраивать такое огромное жилое пространство на одном этаже? Да еще и нанизывать их один за другим, как на шпажку, на шахту лифта, собирая в монструозное здание. Будь это домом... обычным, *нормальным* домом, с лужайкой и задним двориком, получилось бы куда уютнее. Куда человечнее. Не было бы длинного темного кишкообразного коридора, лишённого окон. Спальни наверху, кухня и гостиная – на первом этаже, там же – магазинчик, в который ведет отдельный вход с высоким деревянным крыльцом. Запах

книжной пыли, уютная тишина. Редкие покупатели перебирают томики на полках, а если и говорят, то вполголоса, чтобы не разрушить это ощущение тихого убежища...

Мэттью потер лицо руками и выудил из кармана пальто портсигар. В груди защемило, в носу стало сухо и колко. Вот Хлоя посмеялась бы: разнюнился в первый же день в чужом городе. Бедный потерянный мальчик. Ему не нравится шикарная квартира на Манхэттене, он хочет в свой старый дом в Провиденсе, в убыточный книжный магазин.

Закурив, Мэттью подвел часы. Семь пятнадцать. Рассвет был полчаса назад. Не выключая свет, он поспешно вернулся в спальню. Дверь в нее он узнал лишь потому, что оставил ее слегка приоткрытой.

Он принял душ, оделся, ошупью причесал волосы и попытался рассмотреть себя в отражении оконного стекла. Подбородок был шершавым от щетины. Один день можно потерпеть, но дальше это станет просто неприличным.

Покидать комнату не хотелось. Мэттью выкурил еще сигарету, глядя в окно на просыпающийся город. Небо немного очистилось, меж белых облаков, похожих на клочья взбитой для бритья пены, появились синие просветы. Погода, кажется, налаживалась. Вечером можно прогуляться до Центрального парка и отправить телеграмму Хлое.

С этими мыслями Мэттью еще раз пригладил рукой волосы и вышел в коридор. Свет по-прежнему горел, откуда-то доносилась музыка. Он прислушался и, помедлив, пошел на звук. Одна из дверей была приоткрыта.

“Постучать? Или не стоит?”.

Мэттью заглянул в узкую щель, но ничего не увидел. Вздохнув, как перед прыжков в воду, он все же коротко постучал.

– Блейк, это вы? Входите, входите!

Еще раз вздохнув, Мэттью открыл дверь.

Комната была просторнее его спальни и куда светлее. Дело не только в нескольких окнах, портьеры на которых были полностью открыты, но и в цветах, которые использовались для оформления стен и мебели. Темное дерево здесь дополняли нежные сиреневые оттенки с холодным серебристым подтоном, отчего даже воздух в комнате казался чуть холоднее, чем везде. Следующее, на что обратил внимание Мэттью – черный рояль у окна с закрытой крышкой. Комната была таких размеров, что инструмент не выглядел громоздким и неуместным. Тут еще хватало места для пары диванчиков строгих геометрических форм, кофейных столиков, кресел и ширм. У одной стены стоял большой музыкальный проигрыватель и полка с пластинками, но музыка доносилась не оттуда, а из радио в углу. Рядом, занимая большую часть стены, висело зеркало. То есть – массивная темная рама и большое чистое полотно, которым закрыли отражающую поверхность.

“Дом пустых картин. Красивый образ”.

Будь Мэттью один, он бы вынул записную книжку и обязательно его записал. Но в кресле у окна сидел мистер Палмер, забросив босые ноги на скамеечку.

Он оказался куда моложе, чем ожидал Мэттью. Лет двадцати пяти, не больше, так ему показалось на первый взгляд. Никакой косматой бороды не было. Гладкое, удивительно красивое лицо, изящное, как у девушки. Высокие острые скулы, тонкий нос, чувственные губы. Мэттью смутился от одного взгляда на эти губы и немедленно ощутил, что краснеет. Прическа его тоже больше подходила женщине – длинные каштановые волосы мягкими кудрями спускались на плечи. На мистере Палмере было причудливое шелковое одеяние, напоминавшее восточный костюм в изумрудных с желтым тонах. Или костюм был самым обычным, и здесь, в Верхнем Ист-Сайде, каждый молодой мужчина надевает дома нечто подобное? Но разве обитателю квартиры на четырнадцатом этаже языческого храма, пропахшему благовониями до самых костей, не следует носить нечто восточное?

– Доброе утро, – произнес Мэттью. Чтобы не рассматривать мистера Палмера слишком пристально, он снова скользнул взглядом по обстановке комнаты. Взгляд путался и метался – хрустальная люстра, атласный блеск диванной обивки, ковер, какие-то безделушки, большая коллекция пластинок. Серебро, дерево, сатин или шелк – комната буквально кричала, что в нее вложены немалые средства. Если бы не благовония, в воздухе бы пахло деньгами.

Мэттью почувствовал себя еще более неуютно. Он нарушал изысканную гармонию комнаты одним своим присутствием.

– Доброе, – мистер Палмер закурил, не без интереса рассматривая Мэттью. – Хочу сразу извиниться за грубость. По утрам я неприветлив. До первого кофе, обычно. Но сегодня присутствие гостя меня смягчило, – он улыбнулся, и Мэттью снова почувствовал, что краснеет. Если бы мистер Уильямс нашел для него скромную комнатку, которой владеет старая вдова, Мэттью было бы куда спокойнее.

– Ничего. Утра не созданы для радости, – он выдавил из себя свою привычную блейковскую улыбку. – Спасибо за гостеприимство, мистер Палмер, вы...

Мистер Палмер только отмахнулся.

– Ерунда, не стоит разговоров, – он положил сигарету на край пепельницы и выпрямился в кресле. – Давайте познакомимся, как следует. Меня зовут Дэвид. И обойдемся без “мистера”, хорошо?

– Хорошо, – теперь улыбка далась чуть проще. – Мэттью Блейк. И, пожалуйста, зовите меня просто Мэттью, – он пожал протянутую ладонь. Безукоризненно изящную, как и ее владелец.

– Присаживайтесь. Вы не слишком спешите? Найдете время для утреннего кофе?

Мэттью с опаской взглянул на предложенное кресло, но все же сел, надеясь, что одним этим фактом не нанесет роскошной обстановке никакого урона.

– Спасибо, это было бы отлично. У вас очень красивая квартира, м... Дэвид.

Тот снова взял сигарету и затянулся, выпустив в потолок сизое облачко. Придвинул портсигар Мэттью. Тот благодарно кивнул и закурил.

– Это “джазовый модерн”. Слегка устаревшая роскошь. Вам нравится? – внимательный взгляд продолжал ощупывать лицо Мэттью, хотя на губах Дэвида была улыбка.

– Никогда прежде не видел подобного. Может, в кино, – признался Мэттью.

Дэвид беззлбно фыркнул, наморщив нос.

– И каково это – стать героем кинофильма? – любопытствовал он, подавшись вперед. Глаза у него были зеленые, очень яркого холодного оттенка.

Мэттью отвел взгляд и выдохнул ароматный дым. К вкусу табака примешивалось что-то еще, какие-то приятные пряные нотки. Или именно таков на вкус хороший табак?

– Пока не разобрался, – отозвался Мэттью, ощутив, что снова улыбается.

– Вам нужно освоиться. Идемте, я сварю кофе и покажу вам квартиру.

Дэвид поднялся на ноги, и Мэттью не осталось ничего, кроме как пойти следом. Они снова вышли в багровый коридор.

– В квартире три спальни. Эта моя. Дальше кабинет. Вы любите читать?

– Очень, – Мэттью вспомнил высокие полки магазинчика и тихий шорох страниц.

– Здесь полно книг, можете брать, что понравится. Есть любимый автор?

– Наверное... пожалуй... – Мэттью смутился и все же сказал: – Лавкрафт, я думаю.

– Хм, – Дэвид остановился у дверей кабинета и задумчиво нахмурился. – Первый раз слышу. И что он пишет?

– Он не очень известный, – Мэттью помолчал, пытаясь подобрать слова. – Писал об ужасах древних богов.

Дэвид вскинул брови. В его глазах появился заинтересованный блеск.

– Значит, вам нравятся истории о богах?

Мэттью стало еще более неловко. Он уже пожалел, что открыл рот. Хлоя бы снова сказала, что он ведет себя, как наивный дурачок. Потому именно так его все и видят. Она бы с легкостью перевела беседу в более комфортное русло.

Но Дэвид не стал выдавливать из него ответ. Развернувшись, он пошел дальше, позволив вопросу остаться висеть в воздухе.

– Можете входить в любую дверь и пользоваться всем, что потребуется, безо всякого стеснения. Вот, здесь столовая. А дальше кухня. Входите.

Кухня оказалась самым скромным из всех помещений в квартире. По крайней мере, из всех, что он видел. Окрашенные белой краской стены, кафельный пол. Простые белые шкафчики и тумбы. Медная посуда над плитой. Стул был всего один, у маленького столика возле окна.

Пока Мэттью осматривался, Дэвид насыпал в кофемолку зерен и заправил в тостер хлеб.

– Я могу помочь? – предложил Мэттью, не зная, куда себя деть. Дэвид, улыбнувшись, поставил перед ним кофемолку.

– Извольте.

Облака над городом почти совсем разошлись. Поглядывая в окно, Мэттью быстро крутил металлическую ручку.

– Чем вы занимались в Провиденсе? – Дэвид высыпал смолотое зерно в маленький кофейник и поставил на плиту.

– Учился в колледже, помогал отцу. Отец держал небольшой магазинчик, когда он заболел, делами занимался я.

– Что за магазинчик? – спросил Дэвид, обращаясь к шкафчику с посудой.

– Книжный.

– Дайте угадаю, в колледже вы изучали литературу? – улыбнулся Дэвид и Мэттью снова почувствовал, как к лицу приливает кровь.

– Верно.

Дэвид хмыкнул. Разлил по маленьким чашечкам густой ароматный напиток и придвинул одну Мэттью.

– Сливки, сахар?

Мэттью отрицательно качнул головой.

– И что с ним сейчас? С магазином.

Звякнула, дрогнув, чашка. Мэттью почувствовал, как на губах снова проступает эта блейковская усмешка.

– Ничего. Новые владельцы не интересуются книгами. Магазин пришлось продать вместе с домом. Долгов он приносил больше, чем доходов.

– Мне жаль, – понять, говорит Дэвид искренне или это – формальность, было невозможно. Зеленые глаза продолжали следить за лицом Мэттью, отчего тот был вынужден то и дело отводить взгляд. И все равно ощущал себя жуком под лупой энтомолога.

– А чем занимаетесь вы? – Мэттью сделал маленький глоток. Кофе был крепкий и горький до сладости.

– Прожигаю жизнь и наслаждаюсь тем, как она тлеет, – усмехнулся Дэвид, и Мэттью снова захотелось вытащить блокнот и вписать туда эту фразу. Хотя едва ли у него самого будет повод ее повторить. – Признаться, ваш приезд очень меня обрадовал. Зимой в этих стенах бывает так холодно и одиноко...

Мэттью снова не понял, говорит ли Дэвид серьезно, или это шутка. Но все же улыбнулся.

– Вы очень меня выручили, Дэвид. Даже не знаю, как выразить, насколько я вам благодарен. Я – ваш должник.

– Уверен, повод выразить вашу благодарность найдется, – Дэвид лукаво улыбнулся.

Дверь за спиной Мэттью открылась.

– Доброе утро! – в кухню вошла Марта в черном строгом платье. На ее лице было все то же безучастное застывшее выражение. Волосы скручены в пучок на затылке.

– Доброе утро, – встрепенулся Мэттью.

– Марта, подайте завтрак через полчаса в мою спальню, – Дэвид взял с тарелки один тост и, делая на ходу глоток кофе, пошел к выходу из кухни. – Рад был побеседовать, Мэттью. Хорошего дня.

И вышел, не дожидаясь ответа. Мэттью проводил его растерянным взглядом. Марта даже бровью не повела. Дверь закрылась.

– Я, наверное, тоже пойду... – пробормотал он.

– Доейте кофе, – удержала его Марта, надевая передник поверх платья. Мэттью поклядисто сел на свое место. Потягивая кофе, он еще раз прокручивал в голове недавний разговор, все отчетливее понимая, что болтал только о себе и совершенно ничего не узнал о самом Палмере. Как же так вышло?

– Как вам спалось? – не оборачиваясь, спросила Марта. Мэттью не видел, что именно она готовит, но двигалась горничная быстро и расслабленно, словно выполняя давно привычный ритуал.

– Спал, как убитый, – улыбнулся Мэттью. – Спасибо. И спасибо, что встретили меня вчера.

– Это моя работа, – Марта все еще стояла к нему спиной, но Мэттью показалось, что ее голос потеплел.

– А вы давно работаете на мистера Палмера?

– Смотря, что вы считаете “давно”. Около двух лет.

– И вам нравится?

Марта бросила на него короткий взгляд через плечо. Мэттью улыбнулся.

– Это не худшая работа. Мистер Палмер платит исправно, не пристаёт и почти не капризничает, – в ее голосе Мэттью почудились знакомые нотки. Такие интонации он слышал у Хлои, когда та говорила о своих детях. И в то же время... Он не мог бы сказать точно, что именно заставило его насторожиться. Словно в голосе Марты звякнула тревожная нотка. Или, может, чуть напряглись плечи.

– Но бывало и лучше? – спросил он, помедлив.

Марта не ответила. В тишине, нарушаемой бульканьем воды в кастрюле и мерным стуком ножа, Мэттью догрыз тосты и выпил кофе. Сполоснув пустую чашку, он вспомнил, что так и не спросил Дэвида о зеркалах. Он потер колючий подбородок и вздохнул. Марта, собиравшая на поднос завтрак Дэвида, это заметила. Поймав ее вопросительный взгляд, Мэттью неловко улыбнулся:

– Как мистер Палмер умудряется бриться без зеркала?

Горничная пожала плечами.

– Можете отклеить бумагу в ванной. Едва ли мистер Палмер будет против. Тем более, если этого не увидит, – подняв поднос, она вышла. Мэттью остался обдумывать ее слова.

Времени до встречи с мистером Уильямсом оставалось достаточно. Вернувшись в комнату, Мэттью еще раз осмотрел бумагу, закрывающую зеркало. Если ее смочить, она наверняка легко отойдет. Вряд ли мистер Палмер придет сюда в ближайшее время, Марта говорила, у него есть другая ванная. Если же он будет против, ничего не стоит снова заклеить зеркало. Например, бумагой, что лежит в ящике стола.

Мэттью снял пиджак, засучил рукава и, орудуя мочалкой, очистил зеркало. На это ушло буквально несколько минут, но все это время его не покидало легкое чувство тревоги.

3. День первый

При свете дня город выглядел совсем иным. Более шумный, закованный в камень, заслоняющий небо высотками, но все еще просто город. Налет иномирности совершенно испарился под лучами бледного октябрьского солнца. Вскоре Мэттью привык и к постоянному шуму автомобилей, и к звуку речи на чужих, незнакомых языках. В пестрой толпе оказалось проще почувствовать себя своим. Куда проще, чем в шикарной квартире мистера Палмера.

Первым делом Мэттью купил подробную карту города и нашел на ней здание издательства. Это оказалось не так уж далеко – в южной части Манхэттена, недалеко от Сити-Холл парка. За пару часов (или даже меньше) он смог бы дойти туда пешком, маршрут следовал почти по прямой. Но рисковать опозданием на встречу Мэттью не стал и спустился в метро.

Нью-Йоркская подземка поразила его до глубины души. Вагоны были заполнены людьми, перенасыщены запахами и шумом. То и дело кто-то пихал Мэттью или задевал локтем, пару раз ему наступили на ногу. Сегодня Мэттью был в туфлях, которые выглядели чуть приличней ботинок для путешествий, но зато чужой каблук в них ощущался куда болезненнее. Впрочем, он быстро забыл об этой неприятности, с любопытством рассматривая людей вокруг. Прежде он никогда не встречал столько выходцев из других стран. Хлоя говорила, что в Нью-Йорке их больше, чем где-либо еще в Америке. Оттенки кожи, разрезы глаз, прически, все было далеко от того, что он встречал прежде. Мэттью снова ощутил себя в совершенно иной реальности, отличной от той, в которой он вырос. Как если бы его забросило на другую планету.

Когда он снова выбрался на свежий воздух каменных улиц, стрелка часов неторопливо приближалась к двенадцати. До назначенной встречи оставалось полчаса. Было тепло, но не настолько, чтобы избавляться от пальто. Тротуары просохли. Легкий ветерок с залива охлаждал лицо. Мэттью не спеша прошелся вдоль улицы, купил конвертов и марок. Хлое он пошлет телеграмму, но Ева будет рада получить от него письмо.

Перед встречей с мистером Уильямсом Мэттью чувствовал себя на удивление спокойно. Друга отца он видел всего пару раз и оба были достаточно давно, чтобы от него остался зыбкий образ рослого громкоголосого мужчины с белыми кустиками волос над ушами и черными бусинками глаз. Достаточно добродушного мужчины. Это было практически все, что Мэттью знал о нем. Они с отцом учились вместе, и последние лет пятнадцать мистер Уильямс был владельцем небольшого литературного журнала. Большие писатели в нем не публиковались, но журнал уверенно держался на плаву, пережив Великую Депрессию, и унывать не собирался.

Сама редакция располагалась в полуподвальном помещении одного из исторических зданий. Мэттью спустился по крутой каменной лестнице и вошел, звякнул колокольчик над дверью. Девушка за ближайшим столом подняла на него вопросительный взгляд. Кроме нее в кабинете было с полдюжины человек, но все продолжали заниматься своими делами. Стучали пишущие машинки, бормотало радио, шуршали бумаги.

Мэттью улыбнулся своей дежурной улыбкой и обратился к девушке, предположив, что она – секретарь. На вид она казалась его ровесницей. Светловолосая, в стильном черном платье с высоким воротничком. Очень симпатичная. Она держалась уверенно и расслабленно.

– Добрый день. Меня зовут Мэттью Блейк, мистер Уильямс ждет меня к двенадцати часам.

– Здравствуйте, – ее улыбка показалась Мэттью довольно личной. Взгляд голубых глаз быстро ощущал его с ног до головы. – Подождите, пожалуйста, здесь...

Она вышла из-за стола и приоткрыла одну из дверей.

– Мистер Уильямс, пришел мистер Блейк.

– ... – ей что-то ответили, но Мэттью не разобрал слов. Пользуясь паузой, он осматривался.

Резкий желтый свет ламп словно обесцвечивал все вокруг: бледно-зеленые стены, потертый паркет, столы, которыми был заставлен кабинет. Лица присутствующих в нем казались похожими на восковые маски. Мэттью невольно поежился. В кабинете сидели в основном мужчины. Кроме секретарши он заметил всего одну женщину в углу, но увидеть ее лицо невозможно – она сосредоточенно печатала что-то, не отрывая взгляд от страницы. Ее пальцы быстро-быстро барабанили по клавишам. Зато мужчина за ближайшим столом с интересом Мэттью рассматривал. Ему было около тридцати. Темные волосы старательно уложены, под носом – модные тонкие усики. Весьма добротный серый костюм. Лицом он напоминал итальянца. Поймав взгляд Мэттью, он улыбнулся и закурил, забросив ноги на стол.

– Входите, мистер Блейк! – пригласила секретарша, и Мэттью, сняв шляпу, прошел в кабинет.

Здесь было тесно. С потолка бил все тот же выжигающий глаза искусственный свет. Крошечные окна почти не позволяли солнцу заглянуть в редакцию. За столом, заваленным бумагами, сидел сам мистер Уильямс. Он был таким, как его запомнил Мэттью – высокий, широкоплечий, остатки волос по краям вытянутого черепа были совершенно белыми, хотя лицом он не напоминал старика. Глубоко посаженные черные глазки смотрели цепко, но дружелюбно. Когда Мэттью вошел, мистер Уильямс поднялся из-за стола и протянул ему широкую, как весло, ладонь.

– Мэтти, мой дорогой мальчик! Ты так вырос! Рад, рад видеть тебя, – он энергично встряхнул руку Мэттью и указал на жесткий стул рядом со своим столом. – Присаживайся! Бетти, солнышко, принеси нам кофе.

Секретарша, кивнув, исчезла за дверью.

– Как добрался?

– Спасибо, мистер Уильямс. Без проблем. Я очень благодарен за помощь. Вы очень многое для меня делаете...

– Ну-ну, какие глупости! Твой отец просил о тебе позаботиться. Разве я могу иначе? Как поживают твои сестры?

Голос у мистера Уильямса был громкий и раскатистый. Наверное, его было слышно даже через дверь. Мэтти ощутил себя школьником в кабинете директора. Что ответить, он не знал.

– Хлоя живет с мужем в Провиденсе. Недавно родила второго сына. А Ева уехала с мужем в Техас. У него там родственники...

Дверь приоткрылась. Бетти поставила перед Мэттью чашку и бросила на него короткий взгляд. На красных от помады губах мелькнула улыбка.

– Что-нибудь еще, мистер Уильямс?

– Нет, крошка, можешь идти на ланч.

Когда дверь за ней закрылась, Мэтти сделал глоток кофе. Напиток отдавал жженой бумагой.

– Рад слышать, что у них все благополучно. Жаль, что магазин пришлось продать. Но, говоря по правде, твоему отцу давно стоило это сделать. Я говорил, что эдак он только загонит семью в долги...

Мэттью опустил голову и кивнул. На корне языка осела горечь. Он поставил кофейную чашку обратно на стол.

– Скажите, вы давно знаете мистера Палмера? – произнес он, воспользовавшись паузой.

– Палмера? – мистер Уильямс вынул портсигар и закурил, предложив сигарету Мэттью. Но тот покачал головой. Во рту до сих пор было сухо, не до курева. Он бы предпочел стакан воды. – С Палмером-старшим мы знакомы уже лет тридцать, еще с тех времен, когда он был простым клерком, а не важной персоной с Уолл-Стрит. Моя супруга знала его жену. Они обе из Луизианы, девчонками жили в одном городе. Вместе перебрались в Нью-Йорк. Мерси была очень... запоминающейся женщиной, – и, поймав вопросительный взгляд Мэттью, прибавил:

– Она умерла в двадцать шестом где-то в Европе. Во Франции, кажется. Не то от тифа, не то от туберкулеза... Не знаю. Вернулся он один. Темное было время, – он пожевал кончик сигареты, погрузившись в воспоминания. Мэттью молчал, не спеша нарушать тишину. По окнам снова забарабанил мелкий дождь. За дверьми кабинета стало совсем тихо, видимо, все ушли на ланч.

Значит, Палмер тоже рано лишился матери. Сколько ему тогда было? Десять? Совсем еще ребенок. Но хотя бы помнит ее. Мэттью вынул из кармана портсигар и тоже закурил, сделав глоток пережженного кофе.

– А его сын?...

– Его я не знаю, – пожал плечами мистер Уильямс. – Видел еще ребенком, а дети... дети все одинаковые, – он гулко рассмеялся. У самого мистера Уильямса детей не было.

Мэттью улыбнулся и сделал еще глоток кофе:

– Спасибо, что подыскали для меня жилье. Тем более так близко от редакции. И квартира, как в кино.

– Да, Палмеры живут на широкую ногу. Но ты не смущайся. Когда-то я выручил Палмера деньгами, так что он рад был меня отблагодарить. Тем более такой мелочью, – мистер Уильямс задушил сигарету в пепельнице и сплел руки на животе. – Что ж. Теперь поговорим о работе...

Здание редакции Мэттью покинул через несколько часов. До заката было еще далеко, но на улицах уже лежали резкие синие тени. Стало прохладно. Дождь, к счастью, закончился, и асфальт успел немного просохнуть. Обратно Мэттью шел пешком. В голове было легко и гулко. Он отогнал все мысли и просто шагал себе вперед, рассматривая витрины, здания и проносившиеся мимо автомобили. Город мерно гудел, как пчелиный рой. Мэттью смотрел на сосредоточенные лица прохожих. Это был их город. Они знали, чего ждать от него. От завтрашнего дня и сегодняшнего вечера. От тех, с кем делили кров. Знали, что им делать. И знали, зачем. Мэттью смотрел в их лица, а потом – в себя самого, и находил только смятение.

“Это нормально”, – сказала бы Хлоя. – “Ты же мой маленький трусливый братишка. Можешь вернуться, когда захочешь”.

Но он не мог. Их дома больше не было. Еще до снега его снесут, чтобы построить новое каменное здание в несколько этажей, вроде тех, что окружают Мэттью сейчас. Хлоя ютится с мужем в крошечном домишке по дороге в больницу Батлер. Двое взрослых и двое детей – им и так едва хватает места. Что бы ни говорила Хлоя, Мэттью там делать нечего. Ева тоже звала его к себе, но Мэттью даже не думал об этом всерьез. Техас? Едва ли Томас оценит, если Мэттью обоснуется на его ферме. Да, брат жены, но ведь не ребенок уже.

Нет, теперь его место здесь. Осталось его найти.

По пути он купил хот-дог с горчицей и съел его прямо на ходу. Это не слишком утолило голод, но Мэттью решил, что сегодня обойдется этим. Денег осталось немного, а нужно растянуть их до конца месяца, пока он не получит первый расчет в редакции. Разумеется, был еще счет в банке – то небольшое, что досталось ему после продажи дома, раздачи всех долгов и честного раздела остатка на троих. Хлоя и Ева тоже получили свою, весьма скромную, часть. Жалкая сумма в банке, несколько фотографий, книги и старые часы – все, что осталось от их семьи. От этой мысли у Мэттью сжималось сердце, и он напоминал себе, что, по крайней мере, с сестрами все в порядке. Пусть они и далеко.

От одиночества эти мысли не спасали.

В парк Мэттью не пошел. Только отправил Хлое телеграмму, что все у него в порядке, и волноваться не о чем. Белое здание, в котором находилась квартира Палмера, Мэттью заметил, едва свернув на нужную улицу, хотя до него и оставалось полтора квартала. Еще не стемнело, и высотка выглядела не так монструозно, как накануне. И все же вызывала некую робость.

Мэттью постоял немного на крыльце, выкурив сигарету. Прохожие текли мимо, не глядя в его сторону, словно он слился с каменной белой стеной.

Лифтер узнал его и разулыбался:

– Добрый вечер, сэр! Четырнадцатый?

Мэттью кивнул:

– Добрый вечер.

Щелкнула решетка. Двери закрылись, и лифт медленно пополз вверх.

– Вы решили задержаться в городе? – полюбопытствовал лифтер, потирая лоб под форменной фуражкой. Глаза у него были все такие же красные, и Мэттью подумалось, есть ли у этого парня вообще выходные? Спит он когда-нибудь? Или несет свою службу день и ночь?

– Да, на какое-то время. А вы когда-нибудь отдыхаете?

Лифтер недоуменно вскинул брови, так что Мэттью смутился, но вопрос уже вылетел.

– Когда-нибудь – это обязательно, – усмехнулся парень. – Что я, не человек, что ли?

Лифт остановился, и Мэттью поспешил попрощаться:

– Хорошего вечера!

– Хорошего вечера, – донеслось ему в спину.

Шагая по гулкому коридору четырнадцатого этажа, Мэттью снова не мог отделаться от мысли, что это место подошло бы культистам. Ему даже показалось, что запах благовоний витает и здесь, за пределами пятьдесят первой квартиры.

Ключей у него не было, и Мэттью позвонил. Дверь открылась почти сразу. Марта скупо ему улыбнулась.

– Добрый вечер. Мистер Палмер ждет вас в гостиной.

– Зачем? – опешил Мэттью. Марта только пожала плечами, как бы говоря, что это не ее дело.

– Давно?

– После ланча сказал отправить вас к нему, когда вернетесь, – бросила Марта и ушла в кухню.

Он снял пальто и шляпу, пригладил волосы, машинально бросив взгляд в сторону заклеенного зеркала. Мэттью рассчитывал принять горячую ванну и, может быть, осмотреть библиотеку мистера Палмера, коль скоро он позволил ею пользоваться. Но вот его компании этим вечером никак не ожидал.

Помедлив, Мэттью приоткрыл дверь в гостиную и только тогда подумал, что стоило постучать. В комнате было сумрачно. Лампы не горели, и Мэттью не сразу заметил в кресле у окна темную фигуру. Палмер сидел лицом к комнате, а его взгляд был обращен куда-то в стену. Мэттью машинально обернулся в ту же сторону, но там не было даже картин. Только гладкая сиреневая стена. Палмер сидел прямо, но расслабленно. Не спал, но словно и не бодрствовал. За те несколько секунд, что Мэттью его рассматривал, он даже не шевельнулся. Было очень тихо.

Мэттью ощутил, как по спине пробежал озноб. Было что-то неправильное в этой застывшей безмолвной неподвижности. Словно он наблюдал за искусно сделанной восковой копией, а не за живым человеком.

Хотелось прикрыть бесшумно дверь и проскользнуть в комнату, которую Мэттью считал своей. Но с этим порывом он легко совладал. Набрал в грудь воздуха, он постучал и шире приоткрыл дверь.

– Добрый вечер! – прозвучало нарочито и даже слишком громко. Палмер не вздрогнул. Только повернулся к Мэттью лицом и улыбнулся приятной мягкой улыбкой.

– Добрый вечер. Зажгите свет.

Мэттью подчинился. Вспыхнула люстра под потолком, в хрустальных подвесках забегали яркие искры.

– Присаживайтесь. Как ваш первый день в Нью-Йорке?

– Спасибо. Хорошо. Я начинаю привыкать.

– Чем вы будете здесь заниматься? – Палмер закурил и подал портсигар Мэттью. Тот не стал отказываться.

– Мистер Уильямс предложил мне место в редакции его журнала. Ничего грандиозного – набирать тексты, помогать с бумагами.

– Звучит не слишком увлекательно, – протянул Дэвид. Мэттью подавил вздох. Легко рассуждать об увлекательности, когда нет необходимости думать, будут ли у тебя средства на еду к концу месяца.

– Может быть. Но это литературный журнал. Я получу хорошую практику.

– Вы планируете связать свою жизнь с литературой?

Под пристальным взглядом Дэвида Мэттью снова стало не по себе, хотя в нем не было ничего враждебного. И все же такое внимание смущало. Сложно не смутиться в присутствии настолько красивого человека.

– Возможно, – промямлил Мэттью. Он помолчал, смакуя ароматный дым. Дэвид продолжал его рассматривать, как диковинного зверька, и Мэттью заговорил, чтобы скрыть неловкость: – По крайней мере получу полезные навыки. Придется освоить пишущую машинку. Прежде я едва с ней сталкивался. Может, заведу полезные знакомства. Лавкрафт тоже печатался в журналах.

– Вы не привезли с собой что-нибудь из его произведений? – вдруг спросил Дэвид. Мэттью не смог скрыть удивления.

– Лавкрафта?

– Такие, как вы, обычно, не расстаются с любимыми книгами.

Дэвид улыбался, но Мэттью от этого не чувствовал себя менее смущенным. Может быть, он уже бывал в его комнате? Конечно, это его дом, но Мэттью все равно была неприятна эта мысль.

– Может быть, я посмотрю, – ответил он сухо.

– Если найдете, я был бы рад прочесть что-нибудь, – как ни в чем не бывало продолжил Дэвид. – Хотите поужинать? Отметить ваш первый день в Нью-Йорке.

Мэттью опешил и тут же почувствовал вину. Он грубит человеку, который так внимателен к нему. Дикость.

– Я, пожалуй...

– Идемте, Марта уже все приготовила, – Дэвид поднялся первым. Сегодня он снова был в своем восточном одеянии, несмотря на то, что в квартире было прохладно. Но это его не смущало. Равно как и то, что он расхаживает в домашнем при совершенно постороннем ему человеке. Богема, сказала бы Хлоя, у них свои представления о приличиях.

Впрочем, Мэттью нравилось, как изящно Дэвид выглядит в своем костюме. Нравилась расслабленная легкость, с которой он держится. Как обволакивает шелк стройную фигуру. Дэвид сам походил на произведение искусства, а к искусству неприменимо понятия стыда. Разве кто-то стал бы винить Диониса за наготу?

На этот раз они направились в столовую. Здесь тоже было светло и просторно. Стены нежно-голубого цвета, мебель из темного дерева, легкие занавески на окнах. Огромный стол, рассчитанный человек на десять, был накрыт на двоих. К счастью, никакого пугающего количества столовых приборов Мэттью не обнаружил. Учитывая аристократические замашки Палмера, он бы не удивился, если бы у тарелки выстроилась целая батарея вилок.

Они сели. Дэвид держался легко и расслабленно, и Мэттью отчаянно пытался сделать вид, что ситуация не кажется ему дискомфортной.

– Вина? – предложил Дэвид, уже наполняя его бокал.

– Немного, – пробормотал Мэттью. – Спасибо.

На ужин было мясо с белым соусом и салат из свежих овощей. Мэттью невольно вспомнил рекламные проспекты ресторанов и кафе, изображающие изящно сервированные блюда. Интересно, сколько времени на все это потратила Марта? Стоит поблагодарить ее, когда увидит, подумал Мэттью.

Он потянулся к бокалу и сделал глоток.

– Как вам вино? – полюбопытствовал Дэвид.

Мэттью помедлил. Вкус был приятным. Не кислым, не сладким, очень сдержанным. Но чего стоит его мнение? Он прежде не пробовал ничего, кроме пива.

– Вкусное, – отозвался он, снова напялив свою привычную блейковскую улыбку. – Но я ничего в нем не понимаю, Дэвид...

– Ничего особенного понимать и не требуется, – Дэвид ответил ему мягкой улыбкой. – Покатайте его на языке. Чувствуете? Ягоды и легкое цветочное послевкусие.

Мэттью послушно сделал еще глоток. Дэвид внимательно следил за его лицом. В уголках его губ дрожала улыбка. Мэттью чувствовал только, как к лицу приливает кровь.

– Наверное, у меня нет к этому способностей, – покачал головой Мэттью, стараясь не смотреть на Палмера.

– Вам нужно просто попробовать еще, – возразил тот. И подлил ему вина. К концу третьего бокала Мэттью наконец показалось, что он чувствует привкус черной смородины, что привело Дэвида в восторг.

Говорили о ерунде. Мэттью постепенно расслабился, хотя никогда не считал себя мастером светских бесед. Покончив с ужином, они закурили, глядя на вечерний город. Небо очистилось, но Мэттью не видел ни одной звезды. Он потер глаза и прищурился. Ничего не изменилось. Над городом словно натянули темный бархат. Мэттью затаился дымом. Голова слегка кружилась, в теле была приятная истома, как после теплой ванны.

– Расскажите что-нибудь о себе? – попросил он и удивился, как мягко и тягуче прозвучал его голос. – За день я совсем ничего о вас не узнал.

Дэвид лукаво улыбнулся, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. Его изумрудные глаза влажно блестели. Левую сторону лица скрывала глубокая тень от падающей вперед кудрявой пряди.

– А что вы хотели бы знать обо мне? – спросил Палмер негромко.

“Все!”

– Что-нибудь, – пробормотал Мэттью, переводя взгляд на окно. В стекле отражалась его взъерошенная шевелюра. Неужели он весь вечер вот так выглядит? Щеки горели, не то от вина, не то от смущения. – Чтобы вы стали немного более реальным. Сейчас вы больше похожи на героев Эдгара По.

Дэвид рассмеялся, и Мэттью снова покраснел. Он не планировал говорить этого вслух. Но мысль так или иначе вилась у него в голове весь день.

– Каких? Может быть, Родерика Ашера? – Дэвид подпер голову рукой, подаваясь немного ближе. Тень на его лице от этого стала только резче.

Мэттью почувствовал, как по спине пробежал холодок, волоски на руках встали дыбом. И в то же время, это волнение отозвалось щекочущим теплом в животе, медленно захватывающим все тело.

– Я не... не имел в виду никого конкретного, – неуверенно возразил Мэттью. – Это просто ощущение.

– Не волнуйтесь, я понял, – Дэвид снова откинулся на спинку стула. Его лицо смягчилось. – Значит, Эдгара По вы тоже любите? Как насчет Бирса?

Мэттью с готовностью кивнул.

– А вы? – вставил он поспешно, пока Палмер не увел разговор в сторону.

– Я мало читаю в последнее время, – помедлив, признался Дэвид. Он потянулся за портсигаром и снова закурил, разлив по бокалам остатки вина. – Вы читали Фицджеральда?

– “Великого Гэтсби”, – кивнул Мэттью, почти машинально приняв протянутый бокал.

– “По эту сторону рая” не открывали? Я прочел этот роман впервые лет в пятнадцать и возненавидел Блейна.

– Почему?

Дэвид пожал плечами. Выдохнул вверх дым, на мгновение опустив ресницы. Лёгкое движение головы, и тугие каштановые локоны скользнули по зеленому шелку костюма.

– Но, пожалуй, именно Фицджеральд произвел на меня наибольшее впечатление. И, может быть, Достоевский, – продолжил он.

Мэттью облизнул губы и в два глотка опустошил бокал.

– Не читал Достоевского. И Толстого, – признался он, улыбаясь. – Из русских, кажется, никого.

– Напрасно, – Дэвид снова обхватил сигарету губами. Мэттью показалось, что комната плывет, утопая в сизом дыме. Сердце стучало, быстро и сильно ударяясь о ребра. Он чувствовал его ритм в висках, в легких, в кончиках пальцев.

– Я был уверен, что таких красивых людей просто не бывает, – пробормотал Мэттью себе под нос.

– Простите?

– Эт-то вы простите. Думаю, мне пора лечь спать. Завтра в офис... – Мэттью вскочил, уцепившись за край стола, торопливо ткнул недокурную сигарету в пепельницу. – Спасибо за ужин!..

Он поспешил к двери. Пол под ногами качался, словно уносимая течением лодка. Чтобы держаться ровно, приходилось прилагать немалые усилия.

– Говорят, мама просила богов, чтобы у нее родились красивые дети, – прозвучал ему в спину негромкий голос. Мэттью остановился, взявшись за дверную ручку. Серебристый металл охлаждал ладонь.

– Простите? – он оглянулся.

– Помочь вам дойти до комнаты? – Дэвид сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на него с легкой расслабленной улыбкой.

– Нет. Нет, спасибо, – Мэттью покачал головой, сильнее вцепившись в ручку. Сердце продолжало заходиться в торопливом ритме, но голос вроде бы звучал нормально.

– Спокойной ночи, Мэттью. И спасибо за прекрасный вечер.

– Спокойной ночи! – Мэттью поспешно закрыл за собой дверь и выдохнул. В коридоре было прохладно и тихо, горели лампы.

Он постоял немного и пошел к своей комнате, касаясь рукой стены. Его качало. Пол был зыбким, так и норовил выскользнуть из-под ног. Вино, такое легкое, с ягодным привкусом, оказалось куда коварнее, чем ожидал Мэттью. Сколько он выпил? По ощущениям – совсем немного. Но организм считал иначе.

Мэттью потянул ручку двери, но она не поддавалась. Он удивленно уставился на нее, подергал снова. Ничего. Комната оказалась заперта. Странно. С чего бы Дэвиду закрывать ее? Или это сделала Марта? Но зачем? Он подергал ручку снова, огляделся. Идти обратно к Дэvidу было неловко. Может, просто заело замок? Кажется, прежде все двери открывались без малейшего усилия.

Помедлив, он прошел чуть дальше, к следующей двери. Здесь ручка поддавалась легко. Мэттью машинально заглянул в комнату и с облегчением узнал собственную спальню. Чертов коридор! Слишком много одинаковых дверей.

Сбросив на постель пиджак и на ходу расстегивая жилет, Мэттью зажег лампу и прошел в ванную. На душ сил уже не было, он сделает это утром. Только придется завести будильник пораньше.

Включив свет, он склонился над раковиной и тщательно умыл лицо. От холодной воды в голове слегка прояснилось, хотя тело все еще было мягким и расслабленным. Мэттью придирчиво рассмотрел свою покрасневшую мокрую физиономию. Волосы распушились, глаза пьяно блестели. Ну и вид. Не стоило ему пить. Прежде этого не делал, и начинать тоже не следует. В их семье все плохо переносили алкоголь.

Он потянулся за полотенцем, бросил еще взгляд в зеркало и чуть не вскрикнул – за спиной стоял Дэвид, проникновенно ему улыбаясь.

4. День второй

Мэттью проснулся от пронзительного звука будильника, но не сразу нашел в себе силы встать. Во рту было сухо и гадко. Голова слишком тяжелая, чтобы поднять ее с подушки. Но, по крайней мере, боли он не чувствовал.

Мысль о том, что сейчас придется собраться и отправиться в офис, казалась полной несправедливостью. Ему слишком нехорошо, чтобы приступать к работе на новом месте, среди незнакомых людей. Сегодня он вообще едва ли сможет думать, как следует.

А думать нужно было накануне. И не пить столько.

Поднявшись, Мэттью медленно пошел в ванную. Полотенце лежало на полу. От одного взгляда на него у Мэттью внутри все похолодело, а колени стали мягкими и слабыми.

Прежде у него никогда не было галлюцинаций. Но вчера вечером ему почудилось, словно из зеркала на него смотрел Дэвид. В комнате никого не было, кроме самого Мэттью, но он видел в отражении за своей спиной знакомую фигуру, спадающие на плечи каштановые кудри, пронзительно зеленые глаза. Видел отчетливо и ясно. Понятно, как можно принять тень за человека, увидев ее краем глаза, такое с каждым случалось и не раз. Но Дэвид продолжал взи- рать на него из зеркала, даже когда Мэттью протер глаза и несколько раз зажмурился. Испу- ганный до нервной дрожи, он выронил полотенце и выскочил из ванной.

Был ли это призрак? Может быть, знак, что Мэттью слишком много думает о Дэвиде? Или всего лишь результат усталости и опьянения, подкрепленного слишком живым воображением?

Несмотря на все рациональные объяснения, от вида гладкой зеркальной поверхности Мэттью до сих пор было не по себе, пусть сейчас она и отражала только светлый кафель стен. Бросив полотенце в корзину для белья, Мэттью наполнил воды прямо из-под крана, затем принял душ и побрился, стараясь смотреть только на свое вымазанное пеной лицо и никуда больше.

Есть совсем не хотелось, и хотя в голове немного прояснилось, Мэттью все равно чув- ствовал легкую дурноту. Все. Никакого вина больше. Только кофе. И чашечка-другая не поме- шала бы ему прямо сейчас.

В коридоре он столкнулся с Мартой.

– Доброе утро! – произнесла она первой. – Выпьете кофе или уже уходите?

– Доброе утро. На кофе время найду, – он улыбнулся. Присутствие горничной подеи- ствовало на него успокаивающе. – Дэвид не будет против, что я?..

– Едите его продукты? – усмехнулась Марта, шагая чуть впереди. – Ерунда. Поверьте, он не думает о таких мелочах.

В кухне Мэттью вызвался сам сварить кофе для себя и Дэвида, пока Марта будет занята приготовлением завтрака. Она не стала спорить.

День был ясный. Мэттью задумчиво рассматривал редкие белые облака, легкие, как пух из подушки, и крутил ручку кофемолки.

– Я хотел поблагодарить вас за вчерашний ужин. Вы так здорово готовите, – произнес он, когда молчание затянулось. Марта даже не обернулась, но, судя по голосу, его слова ей понравились:

– Спасибо. Это очень успокаивающее занятие. Особенно, если за него еще и платят.

Мэттью понимающе улыбнулся.

– Я всегда терпеть не мог готовку. Был готов взять на себя любые обязанности по дому, целый день работать в магазине или в саду, только бы не готовить. Хлоя беззастенчиво этим пользовалась.

– Хлоя?..

– Моя сестра. Старшая. То есть, самая старшая. Маме тяжело дались последние роды, и она умерла через полгода. Хлое было тринадцать. Она практически вырастила меня, – Мэттью улыбался, но в груди все равно появилось это гадкое чувство холодной пустоты. Легкая дрожь пробежала по рукам, он сильнее вцепился в кофемолку.

– Вы скучаете по ней?

Он высыпал кофе в кофейник, закрутил его и, долив воды, поставил на огонь. Только когда почувствовал, что дрожь унялась, ответил:

– Я был слишком маленьким, чтобы ее запомнить. У меня даже нет ее фотографии. Была всего одна карточка, но Ева забрала ее, когда уехала... – Мэттью вынул портсигар и закурил. Марта открыла окно, вместе с прохладным ветром впуская в кухню шум просыпающегося города.

– Я говорила о вашей сестре. Вы ведь очень близки, верно?

Мэттью смутился. Вскинул руку, чтобы запустить пальцы в волосы, но вспомнил, что уже пригладил их помадой.

– А, да. Очень. Но мы будем писать друг другу письма и все такое... Вам... вам, наверное, приходится много готовить здесь, да? Когда Дэвид принимает гостей. Чтобы накрыть тот стол в столовой, нужно здорово потрудиться, – он чувствовал, что вопрос прозвучал натужно, но Марта сделала вид, что ничего не заметила. И, к счастью, не стала продолжать прежнюю тему.

– Мистер Палмер не принимает гостей, – произнесла она невозмутимо. – Он живет очень уединенно. Он ведь предупредил, чтобы вы никого сюда не приглашали?

– Нет, но мне бы и в голову не пришло, – слегка опешил Мэттью. Зачем нужна настолько огромная квартира, если ты живешь в ней совсем один? У него просто не укладывалось это в голове. Целых три спальни... Для чего? Чтобы Марте приходилось больше убирать?

– Значит, еще скажет. И напомните ему про ключ, чтобы вы могли сами отпирать себе дверь.

Мэттью машинально кивнул, снимая кофейник с плиты.

– Насколько я знаю, прежде он жил с сестрой, – вдруг добавила Марта. Она шинковала что-то, стоя к нему спиной, но Мэттью все равно почувствовал напряжение, с которым она произнесла это. Он снова ощутил неясную тревогу, как во время прошлой беседы.

– У Дэвида есть сестра?

– Кажется, так.

По ее тону было ясно, что продолжать разговор она не расположена. Мэттью не стал настаивать. Потягивая кофе, он подумал, что об этом должен знать мистер Уильямс. Если только Дэвид сам не расскажет о семье. Но он, кажется, любит сохранять таинственность вокруг собственной персоны. Мэттью снова вспомнил его отражение в зеркале ванной и едва не пролил на себя кофе. Может, хватит думать о Дэвиде? Это только добавит проблем в его и без того не самую простую жизнь.

Мэттью добрался до офиса пешком. Погода располагала к прогулкам, к тому же наверху было куда приятнее, чем в переполненном вагоне. Спускаться под землю, во тьму, чтобы толкаться там, в шуме и тесноте – нет, это не лучший способ начать день.

Когда он вошел в офис, до начала рабочего дня оставалось около десяти минут. На месте была только Бетти и тот мужчина с усиками, что пялился на него накануне.

– Доброе утро! – Мэттью осмотрелся, ища глазами, куда можно повесить пальто.

– Доброе! – охотно отозвалась Бетти. Сегодня она была в другом платье, но столь же закрытом и сдержанном. На губах – красная помада, волосы старательно завиты. – Вешалка слева.

– Спасибо.

– А хотите кофе?

– Да, – Мэттью там же оставил шляпу, справился с желанием пригладить волосы и улыбнулся, – да, пожалуйста, Бетти.

Накануне их представил мистер Уильямс, с остальным коллективом побеседовать не удалось. И теперь Мэттью ощущал сильную скованность. Хуже он чувствовал себя только в первый день в колледже. Тогда все были новичками, а значит – в равных условиях, но и людей вокруг было куда больше.

Мужчина с усиками снова внимательно его рассматривал, улыбаясь уголком рта.

– Сделай мне тоже, Бетти, солнышко, – попросил он, не глядя в ее сторону.

Секретарша слегка нахмурилась, но кивнула. Мэттью подошел ближе и первым протянул мужчине руку.

– Мэттью Блейк.

– Майкл Дэвис, – рукопожатие у него оказалось мягкое, неохотное. – Значит, это о тебе говорил шеф?

– Смотря, что говорил, – Мэттью вынул портсигар и предложил Майклу. Тот не стал отказываться.

– Что нашел свежую кровь для нашей редакции, – произнес он с усмешкой. – Что ты не из Нью-Йорка и можешь дать нам “новый взгляд”...

– Не выдумывай, Майки, – одернула его Бетти, ставя на стол чашку кофе. – Ничего такого мистер Уильямс не говорил, – вторую чашку она подала Мэттью и улыбнулась. На щеках у нее появились очаровательные ямочки. Мэттью почувствовал, что краснеет.

– Но я и правда не из Нью-Йорка, – признался он и оперся на край соседнего стола, делая глоток кофе. На Майкла старался не смотреть, но все равно чувствовал на себе его взгляд.

– А откуда? – Бетти выудила из ящика стола сигаретную пачку и закурила.

– Провиденс, Род-Айленд.

Она кивнула без особого интереса, Майкл же спросил:

– И давно приехал?

– Второй день.

– Это заметно.

Мэттью вспыхнул, но сдержался, на лице даже мускул не дрогнул. Кажется, Майкл из тех, кому доставляет удовольствие раздражать окружающих. Или это тот тон, что принят в коллективе. Второе было бы куда хуже.

– А я из Луизианы, – улыбнулась Бетти, как ни в чем не бывало. – Уже три года, как перебралась. Найти приличную квартиру здесь – настоящее приключение. Тем более за наше жалование.

Мэттью промолчал, только машинально покосился на дверь в кабинет мистера Уильямса, но того еще явно не было на месте. Повисла короткая пауза. Майкл допил кофе, отставил чашку на край стола и потянулся.

– Это первая твоя работа? Сколько тебе? – спросил он, усмехаясь. – Двадцать-то есть? Надеюсь, ты хотя бы колледж закончил.

Кофе ободрал горло. Мэттью вцепился в чашку, чтобы не расплескать напиток.

– Двадцать один, – ответил он резко. – А какое это имеет значение?

Майкл улыбнулся шире.

– А такое, что мистер Уильямс уж больно с тобой носит. Кто ты? Ценный специалист? Гениальный выпускник? Сын любовницы?

– А ты? – у Мэттью на губах проступила фамильная ухмылка, хотя он едва не скрипел зубами. Внутри что-то мелко тряслось, словно у детской погремушки. – Ты кто, совладелец журнала? Ответственный за наем? Или у тебя просто самый длинный нос в редакции, и ты суешь его в чужие дела?

Майкл перестал улыбаться. Он смотрел на Мэттью с нескрываемой неприязнью, но тому было уже все равно. На дружелюбие сил не осталось. И если бы Майкл бросил еще хоть одну колкую фразу, то получил бы недопитый кофе в лицо и чашку в голову. Но в этот момент дверь редакции хлопнула. Все синхронно вздрогнули, пепел с сигареты Бетти осыпался на пол.

– Доброе утро! – отчеканила крупная женщина, которая сидела накануне за дальним столом. Голос у нее был низкий, с приятной хрипотцой. Волосы коротко обрезаны и уложены изящными локонами, в которых пробивались серебристые нити. На вид ей можно было дать лет сорок или чуть больше. Круглое серьезное лицо, глубоко посаженные глаза. Под пальто оказался серый брючный костюм, идеально подогнанный под ее полную фигуру. Мэттью заметил, что каблук на ее туфлях довольно высокий, хотя в женщине и без того было футов шесть¹ росту, может, чуть меньше.

– Доброе утро, – Бетти отмерла и разулыбалась. Майкл, насупившись, принялся перебирать бумаги на своем столе.

– Доброе утро, – Мэттью казалось, что у него онемело лицо, и он с трудом придал ему нейтральное выражение. Женщина скользнула по нему взглядом, слегка улыбнулась.

– София Тернер.

– Мэттью Блейк.

Она кивнула и пошла за свой стол.

– Мистер Уильямс предупреждал о тебе.

– Софи, сделать тебе кофе? – прощепетала Бетти, собирая грязные чашки. В сторону Мэттью она старалась не смотреть.

– Спасибо, душечка, сделай. Мэтти, это будет твой стол, – она указала в соседний угол, где под завалами бумаг и коробок угадывались очертания стола. – Как только разберешься с этим беспорядком.

Майкл хмыкнул, бросив на Мэттью насмешливый взгляд, но ничего не сказал.

К вечеру Мэттью ощущал себя совершенно вымотанным, хотя нельзя сказать, что занимался чем-то сложным. Большую часть дня он разбирал скопившиеся бумаги. Там были и черновики статей и интервью, и присланные рукописи, как опубликованные, так и все еще ожидающие своего часа. Все это следовало систематизировать, отделить одно от другого и разложить так, чтобы с этим можно было работать дальше. На некоторых бумагах стояли отметки о публикации с номером и датой, но большая часть была лишена и этого. Чтобы уточнить, передавался ли материал в печать, Мэттью приходилось то и дело отвлекать Софи.

Она была редактором, работала в журнале чуть ли не с самого его основания, и с ней считались. Не всех она устраивала, как показалось Мэттью, но к нему отнеслась достаточно дружелюбно, и не злилась, что он снова и снова обращался с вопросами. Остальные внимания на Мэттью особенно не обращали, занятые своими делами. В редакции работали еще двое из тех, с кем Мэттью не успел побеседовать утром. Оба мужчины. Один – на вид почти ровесник мистера Уильямса, мистер Джефферсон, едва удостоил Мэттью взглядом, крепко пожал ему руку и больше ни разу не поднял голову от своей пишущей машинки. Другой значительно моложе, лет двадцати пяти, представился Сэмом и попросил звать его именно так, по-простому. Он показался Мэттью дружелюбным, но возможности поговорить у них не нашлось. Даже на ланч все ушли как-то незаметно для него. Мэттью, слишком погрузившись в свои бесконечные бумаги, вышел из офиса последним. Купив хот-дог, он немного побродил по парку и первым вернулся назад, чтобы снова зарыться в горы макулатуры на своем столе.

– На следующей неделе, как закончишь с бумагами, будешь набирать рукописи из тех, что пойдут в печать, – сообщила Софи уже вечером, когда все начали расходиться. К этому

¹ 6 футов – примерно 182 см. Мэттью определяет на глаз и за точность не ручается.

моменту в офисе, кроме них, остались только Бетти и Майкл, который уже стоял у порога и приглаживал усы, рассматривая себя в зеркало на стене. – Почерки хорошо разбираешь?

Мэттью неопределенно пожал плечами.

– Я раньше не работал за пишущей машинкой, – признался он, убедившись, что Майкл закончил прихорашиваться и закрыл за собой дверь. Софи слегка нахмурилась.

– Ни разу?

Мэттью кивнул.

Софи протяжно вздохнула. Поправив шляпку, она бросила короткий взгляд в зеркало и снова повернулась к Мэттью:

– Значит, будешь быстро учиться. До понедельника.

– До понедельника!

Когда Мэттью надевал пальто, Бетти его окликнула:

– Не сможешь мне с замком? Нужно запереть офис, но его заедает иногда, – это были ее первые слова с самого утра, и Мэттью, удивленный, все же улыбнулся.

– Да, конечно.

– Спасибо, – Бетти просияла. Когда они вышли на улицу, солнце уже клонилось к закату. Сквозь закрывающиеся горизонт тучи прорывались редкие красные всполохи, расцветивая здания и тротуары, бликуя в темных окнах. Глубокие синие тени окутали город. Фонари еще не зажглись, только неоновые вспышки рекламы рассеивали сгущающийся сумрак. Было зябко. В воздухе пахло дождем. Бетти поежилась, выживая из сумочки ключи.

– Ужасная осень, – посетовала она. Мэттью рассеянно кивнул. Его мысли все еще занимали слова Софи о печатной машинке. Будет ужасно неловко сидеть и по пять минут высматривать каждую букву на клавиатуре. Майкл здорово повеселится.

– Обычно до Хэллоуина не бывает таких холодов, – продолжила Бетти и с легкостью заперла дверь. – Тебе в какую сторону?

– В сторону Центрального парка, – отозвался Мэттью. Она кивнула, убрала ключи в сумочку и улыбнулась:

– Идем?

По дороге они разговорились. Сначала болтала Бетти, расписывая свои первые дни в городе. Это выходило у нее легко и весело, так что Мэттью быстро втянулся в беседу и даже рассказал о книжном, который держал его отец.

– Я всю жизнь только то и делал, что работал в магазине. Из школы – сразу в магазин, уроки делал там же. Все каникулы там торчал. До сих пор не могу поверить, что магазина больше нет. Если бы не мистер Уильямс, не знаю, что стал бы делать.

– И тебе никогда не хотелось заниматься чем-то еще? – в голосе Бетти, помимо удивления, он услышал сочувствующие нотки. “Наверное, она считает меня чудачком”, – подумал Мэттью и ощутил, как на губах появляется усмешка.

– Мне нравилось торговать книгами. Я прочел почти все, что мы продавали. Любил болтать с покупателями. Вместе с отцом искать новых авторов и издания. Мне было хорошо, – признался он. Бетти улыбалась, но Мэттью видел по ее глазам – она не понимает. Хлоя и Ева тоже не понимали. Даже не раз спорили с отцом из-за этого. Магазин не был прибыльным, мистер Уильямс говорил правду: стоило давно продать его. Но и отец, и Мэттью даже слышать об этом не хотели.

Бетти, тем не менее, кивнула.

– А я всегда хотела быть актрисой на Бродвее, – сообщила она, помедлив. – Семейный бизнес никогда меня не интересовал. Что может быть скучнее бакалейной лавки? К счастью, родителям было кому ее передать, так что я смогла спокойно уехать.

– Тогда как ты оказалась в редакции?

Она вздохнула и грустно ему улыбнулась:

– Я петь не умею. Дай сигарету? – Мэттью протянул ей портсигар и закурил сам. Затянувшись дымом, Бетти прибавила: – Так что закончила курсы машинисток и устроилась секретарем. На билеты в театр мне хватает.

Марта отперла дверь прежде, чем Мэттью успел нажать звонок. На ней уже было пальто и шляпка.

– Добрый вечер, – кивнула она устало и проскользнула мимо него. – И до понедельника.

– До понедельника, – Мэттью проводил взглядом ее прямую фигуру, пока Марта не скрылась за углом. Нужно попросить ключ у Дэвида, напомнил он себе. Так будет удобнее для всех.

В квартире было тихо. Он запер за собой дверь, разделся, бросил взгляд в зеркало и тут же разочарованно вздохнул. Как сам Дэвид обходится без того, чтобы убедиться, в порядке ли прическа и костюм? С другой стороны, подумал Мэттью, шагая по коридору, Дэвид будет выглядеть прекрасно безо всякой прически и в любом костюме. И даже вовсе без него. От этой мысли его обдало жаром. Так что прежде, чем войти в гостиную, Мэттью несколько раз глубоко вздохнул, чтобы унять сердцебиение. Но комната оказалась пуста. Мэттью даже зажег свет, чтобы убедиться в этом, вспомнив, что накануне Дэвид сидел в своем кресле, не смущаясь сумрака комнаты. Но на этот раз в кресле никого не было.

Перспектива стучаться во все двери подряд Мэттью не нравилась. Он прошел дальше и заглянул в столовую, едва не столкнувшись с Дэвидом нос к носу.

– А, Мэтти! Добрый вечер!

На Палмере был длинный черный халат, украшенный журавлями и пышными белыми цветами, волосы свободно рассыпаны по плечам. На лице – приятная улыбка.

– Добрый вечер, я...

– Вы ужинали? Проходите, горячее, наверное, еще не успело остыть. Вы теперь станете возвращаться в это время? – Дэвид взял его за локоть и повел к столу. – Я вас не дождался. Но вы ведь на меня не в обиде? Как прошел ваш первый день?

Он говорил быстро, быстрее обычного, и не переставал улыбаться. Мэттью подумал, что Дэвид, должно быть, пьян. Хотя бутылки на столе не было. Пахло от него тоже, как прежде – благовониями, травами и табаком.

Смущенный и сбитый с толку, Мэттью позволил усадить себя за стол. Дэвид сел рядом, отодвинул от себя пустую тарелку.

– Спасибо, – улыбнулся Мэттью. Есть действительно хотелось, при Бетти ему было неловко покупать еду на улице. И все же напор Дэвида совершенно выбил его из колеи. – Да, я буду возвращаться около семи...

– Чудесно, я привык ужинать примерно в это время, – кивнул тот и закурил.

– Но вам не обязательно...

– Как прошел ваш день?

Мэттью вздохнул и взял приборы.

– Не так уж плохо, – признал он. – Хотя вы правы, пока работа не слишком увлекательная. Я весь день разбираю скопившиеся бумаги.

Дэвид покачал головой. В его лице Мэттью увидел не то жалость, не то легкую брезгливость, и прибавил:

– Со следующей недели я буду работать с рукописями, которые присылают в редакцию. Те, что подойдут для публикации, нужно набрать на машинке, иногда они написаны таким почерком, что от редактуры голова разболится.

Дэвид кивнул. Его взгляд был рассеянным, словно он думал о чем-то своем. Сигарета в его пальцах тлела впустую. Мэттью помолчал, стараясь не стучать приборами о тарелку. В возникшей тишине это было бы слишком резким звуком.

– Боюсь, толку от меня будет немного, я прежде не работал за машинкой, и на один абзац у меня уйдет целый день, – произнес Мэттью с натянутой улыбкой, только чтобы сказать хоть что-то. Ему вдруг стало не по себе в повисшем между ними молчании.

Дэвид встрепенулся и взглянул прямо на Мэттью.

– В кабинете есть пишущая машинка и сколько угодно бумаги. Можете размять пальцы, – предложил он с улыбкой.

Мэттью ощутил, как к лицу приливает кровь. Он невольно задержал взгляд на том, как изящно Дэвид держит сигарету. Совершенные руки, словно с картин Да Винчи. Хотя даже он, кажется, писал такие аккуратные кисти только женщинам.

Дэвид поднес сигарету к лицу и обхватил губами кончик. Мэттью, как замороженный, зацепился за это движение взглядом. В груди стало жарко и тесно, словно он вдруг разучился дышать. Скользнув от губ выше, Мэттью вдруг встретил прямой, даже игривый взгляд Дэвида. Он слегка улыбнулся, наслаждаясь вниманием. Мэттью покраснел еще сильнее и отвернулся, вцепившись в приборы. Есть уже не хотелось, в горле пересохло.

– С-спасибо, – пробормотал Мэттью. – А это будет удобно?..

– Почему нет, машинка стоит без дела и будет только рада поработать, – весело отозвался Дэвид и затушил сигарету в пепельнице. – Не скромничайте, Мэттью. Квартира целиком в вашем распоряжении. Пользуйтесь всем, что вам нужно. Если бы я не хотел этого, то вообще не впустил вас в квартиру, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.